

И.В. СУСЛОВ
Ю.Я. ДУБРОВИНА

РЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: КАРТОГРАФИЯ ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИХ ПОЗИЦИЙ

***Аннотация.** В общественно-политическом пространстве современной России заметен нарастающий интерес к реидеологизации как инструменту укрепления политической стабильности и общественной консолидации. В статье рассматриваются ключевые политико-философские позиции, отражающие восприятие процессов реидеологизации в научном сообществе в 2012–2024 годах. Анализ показывает, что в интеллектуальной среде России сложились разнонаправленные позиции: от критики рисков идеологической унификации, предполагающей ограничение политического плюрализма, до поиска способов конструктивного участия в определении направлений национального развития и формировании ценностных ориентиров государственной политики. В научном дискурсе обозначились такие концептуальные линии, как гуманистическая перспектива, культуросоцентричный подход и коммунитарные проекты, а также стратегии интеллектуального дистанцирования от идеологических практик. Совокупность выявленных политико-философских позиций позволяет одновременно говорить и о кризисе философской идентичности, и о формировании новых эпистемологических рамок, в которых переосмысливается роль идеологии в процессах общественной консолидации и государственного строительства.*

***Ключевые слова:** идеология, реидеологизация, власть, общественная консолидация, политико-философские позиции, государственная политика, национальные ценности.*

REIDEOLOGIZATION OF RUSSIAN SOCIETY: CARTOGRAPHY OF POLITICAL-PHILOSOPHICAL POSITIONS

***Abstract.** In the socio-political space of contemporary Russia, there is a growing interest in re-ideologization as an instrument for strengthening political stability and social consolidation. The article examines key political-philosophical positions reflecting the perception of re-ideologization processes within the academic community in 2012–2024. The analysis demonstrates that the intellectual environment has developed divergent positions: from criticism of the risks of ideological unification, implying restrictions*

СУСЛОВ Иван Владимирович — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов
ДУБРОВИНА Юлия Яковлевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

on political pluralism, to the search for constructive ways of participating in defining national development trajectories and shaping the value orientations of state policy. The scholarly discourse has revealed such conceptual lines as the humanistic perspective, the culture-centered approach, communitarian projects, as well as strategies of intellectual distancing from ideological practices. The totality of identified political-philosophical positions indicates both a crisis of philosophical identity and, simultaneously, the emergence of new epistemological frameworks in which the role of ideology in processes of social consolidation and state-building is being reinterpreted.

Keywords: *ideology, re-ideologization, power, social consolidation, political-philosophical positions, state policy, national values*

Отказ от государственной идеологии, зафиксированный в Конституции Российской Федерации 1993 года¹, на протяжении первого постсоветского десятилетия определял нормативно-ценностный контур политико-публичных и научных споров о перспективах развития страны. Деидеологизация трактовалась как необходимое условие перехода к демократическому устройству общества, призванного преодолеть тоталитарное прошлое и обеспечить идеологический нейтралитет государства, формировалась концепция идеологического плюрализма, предполагающая недопустимость господствующей идеологии и приоритет личностной автономии в определении ценностных ориентиров. В.Т. Кабышев полагал, что «демократическое правовое государство не может нормально функционировать без политического многообразия жизни, основу которой составляет политический плюрализм, проявление свободы человека» [1, с. 49].

Однако с началом XXI века наблюдается постепенное смещение парадигмы. В частности, в 2004 году заметным явлением стал выход двух монографий — «Проект Евразия» А.Г. Дугина [2] и «Российская идеология 21» В.Н. Кузнецова [3], в которых утверждалась возможность создания и успешного функционирования идеологии, призванной объединить российское общество. Перспективы и эффективность новой российской идеологии оценивались как положительные, а также отмечалось, что только через идеологию консолидации можно обогатить и наполнить цели, идеалы и ценности людей значимым смыслом. Идеология, таким образом, наделялась способностью предоставить смысл жизни, произведя российскую мечту на основе сохранения и укрепления исторической памяти и культуры патриотизма.

Позднее В.С. Мартыянов и Л.Г. Фишман [4] отметили трагическое совпадение постсоветского транзита России в 1990-е годы с истощением морального импульса, легитимировавшего политический проект капитализма. Исследователи утверждали, что для создания новой идеологии, способной сохранить человеческие ценности от деградации и кризиса, необходима

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (в ред. от 06.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. 06.10.2022. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 24.06.2025).

моральная трансформация (революция) российского общества [4]. Также Е.Н. Мощелков объяснял слабую эффективность многих стратегических национальных программ и доктрин двух постсоветских десятилетий отсутствием национальной идеи [5, с. 71].

Уже в первой декаде нового века оказались ощутимыми процессы интеллектуального и политико-культурного разворота от либерального универсализма к формам консервативного традиционализма. А.В. Рубцов фиксирует в 2010–2011 годах изменения в официальном и медийном дискурсе, связанные с заменой терминов модернизационного толка (инновация, экономика знаний, человеческий капитал) на концепты, апеллирующие к духовным, культурным и историческим основаниям российской государственности, — традиции, духовность, культурные коды, идентичность, скрепы [6, с. 68]. Подобная трансформация не была исключительно риторической: она сопровождалась институциональными изменениями в сфере образования, культуры, информационной политики, государственно-конфессиональных отношениях.

Политико-риторический проект реидеологизации, начавшийся в 2010 годы, постепенно охватывал всё большее количество сфер общественной жизни, внося коррективы в школьные учебники, патриотическое воспитание, стратегии культурной политики и легитимации настоящего через героизированное прошлое.

Реакция научного сообщества на процессы реидеологизации выявила наличие нескольких концептуальных стратегий. Часть исследователей выступила с критикой происходящих изменений в идеологической сфере, указывая на риски воспроизводства авторитарных форм политической регуляции. Так, А.А. Кара-Мурза акцентирует внимание на опасности тотализации идеологии в условиях отсутствия полноценного гражданского общества и независимых институтов гражданского контроля. Идеология, по его мнению, неизбежно приобретает репрессивный характер, подменяя рациональную дискуссию принуждением к нормативному единомыслию [7, с. 27–44]. Э.А. Соловьёв в свою очередь выделяет ряд ключевых механизмов идеологического манипулирования массовым сознанием: формирование образа врага, эксплуатация геополитических мифов, поощрение ксенофобии, сакрализация исторического нарратива [8, с. 10–12].

Другая часть научного сообщества отмечала, что идеология, как форма структурирования коллективного сознания, неизбежна, следовательно, задача философии заключается не в отрицании феномена как такового, а в разработке нормативных оснований легитимной и открытой идеологии, способной консолидировать общество на базе общенациональных ценностей [9, с. 5–18]. В этом контексте получает популярность политико-духовный концепт «национальной идеи» как формы смысловой консолидации в условиях фрагментированного и атомизированного общества. Подобные усилия поддерживаются

и в концепции «ценностного ядра нации», в рамках которой Россия мыслится как носитель особой цивилизационной миссии, противостоящей западной универсалистской экспансии.

О национальной идее говорил и Президент нашей страны В.В. Путин. В рамках приветствия организаторам, участникам и гостям первой всероссийской конференции «Демографическая политика современной России: как добиться роста вопреки прогнозам» глава государства отметил, что еще на рубеже XIX–XX веков великий русский мыслитель Д.И. Менделеев выразил главную национальную идею в виде «приумножения народа России»². Такая национальная идея приобретает особую актуальность сейчас, когда «крепкая семья» провозглашается в качестве основной традиционной российской духовно-нравственной ценности³. Дополнительный вклад в осмысление современных форм идеологического производства вносит интерпретация идеологии как фактора геополитического суверенитета. Несмотря на критику догматических и нередко квазирелигиозных форм этих теорий, их широкое распространение указывает на востребованность интегративных нарративов в условиях идеологического вакуума постсоветского периода развития российского общества.

Коллектив Института философии и права УрО РАН попытался ответить на вопрос: существует ли альтернатива идеологии как инструменту социального управления. По мнению исследователей, успех в модернизации идеологии требует соответствия желаемого настоящего и будущего этическим принципам не только отдельных групп общества и России, но и всего человечества [10].

Вышеприведенную позицию поддерживает и Ю.Г. Волков, замечая, что трудно оспаривать роль идеологии как силы, способной объединять и мобилизовывать общество. Однако вопросы, возникающие относительно развития идеологической сферы, преодолеваются через усилия по гуманизации, легитимации идей социального творчества, самореализации и альтруизма. Важное различие между идеологией гуманизма и традиционными идеологиями ученый видит в отсутствии насильственного воздействия, ведущего к политическим конфликтам в процессе реализации гуманистических идей [11].

Таким образом, процессы реидеологизации не могут быть поняты исключительно в терминах возвращения к прежним формам идеократии; они свидетельствуют о качественном изменении характера самой идеологии, о ее переходе от директивного к латентному, от декларативного к структурному типу функционирования. В этих условиях социально-политическая

² Путин назвал главную национальную идею России // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17601115?ysclid=mcabkls9qn420054852> (дата обращения: 24.06.2025).

³ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

наука приобретает новую актуальность в качестве области, способной к концептуализации механизмов идеологического воздействия, выработке критериев легитимности идеологических программ и защите автономии мышления как фундаментальной ценности.

В конце 2010-х годов в обсуждении реидеологизации российского общества наметились *две тенденции*: *первая* была связана с изучением идеологических позиций и логики действий *российской элиты*, *вторая* — с определением политико-идейных характеристик, собственно, *россиян*.

Научный взгляд на идеологическую самоидентификацию политической элиты может быть охарактеризован как скептический. Л.Г. Фишман указывал на сочетание в современном российском правящем классе черт бюрократии, буржуазии и советской номенклатуры как фактор, препятствующий созданию идеологии принципиально противоположной западному либерально-универсалистскому проекту [12]. При этом некоторые политологи называли идеологию маской, созданной в качестве стратегического проекта для привлечения голосов избирателей [13, с. 129–142; 14, с. 15–31].

Реакция массового сознания на реидеологизацию общественной жизни была зафиксирована в серии важных социологических исследований, проведенных на рубеже второго и третьего десятилетий XXI века. Однако результаты оказались противоречивыми.

Многомерный анализ социологических опросов, осуществленный в Институте социально-политических исследований РАН в 2018 году, показал, что современные политические и идеологические взгляды населения представляют собой смесь традиционных советских ценностей и либерально-демократических установок [15, с. 471–472]. В 2020 году В.В. Петухов делал вывод о неопределенности идеологических предпочтений большинства россиян, хотя справедливость, демократия и державность с определенными оговорками назывались как консенсусные [16].

Исследование, проведенное под руководством Т.Н. Юдиной, позволяет делать еще более резкие выводы о степени идеологизации массового сознания в начале 2020-х годов. Подтверждается, во-первых, уменьшение значимости идеологии в обществе, во-вторых, смягчение идеологической поляризации среди граждан, в-третьих, увеличение разнообразия взглядов, а также потеря идеологическими ориентирами статуса терминальных ценностей [17, с. 588–589].

Таким образом, результаты сопоставительного анализа не подтверждают тенденцию к архаизации или модернизации идеологических взглядов россиян, не указывают на их однозначный «левый» или «правый» поворот. В отсутствие ясной национальной идеи наблюдается эклектизм, характеризующийся соседством социалистических и капиталистических ценностей, предполагающий стремление к свободе и богатству с одновременным требованием создания условий социальной защищенности. Насколько в данной ситуации уместно говорить о создании единой государственной идеологии?

Внесение поправок в Конституцию Российской Федерации⁴ и осложнение геополитической обстановки приводит к возникновению в российском научном дискурсе двух точек зрения. С одной стороны, всё решительнее раздаются голоса сторонников идеологического самоопределения государства и общества, с другой, — заявляется о необходимости соблюдения некоторых условий и осторожности в процессе непрерывной реидеологизации. Вторая позиция кажется весьма интересной и будет далее охарактеризована более подробно.

На данный момент, считает И.В. Радиков, стремление к установлению официальной государственной идеологии — закрытой для критики, является преждевременным. В настоящее время предлагается определить границы идеологических разногласий в пределах задачи обеспечения целостности, самостоятельности и независимости государства [18, с. 54–75]. Результаты исследования С.В. Ивлева подтверждают важность использования социально-политических коммуникаций для достижения согласия в идеологических вопросах [19, с. 245–246].

Г.А. Борщевский исходит из того, что закрепление социально значимых норм требует тщательного анализа общественного мнения, а также политических и экономических процессов. В противном случае принятые нормы приведут к социальному расколу [20]. С данной позицией согласен и научный директор проекта «ДНК-Россия» А.В. Полосин, предложивший концепт «пентабазиса» мировоззренческих ценностей для российского общества⁵. Отмечается необходимость обратить внимание на изучение мировоззренческих, культурно-ценностных и идентификационных основ российского народа [21, с. 14–15].

* * *

Во второй половине 2010-х годов в социально-философском и политическом дискурсе активизировались поиски новой идеологической парадигмы, способной выразить специфические черты российского общества и ответить на вызовы современности. Данный поворот к реидеологизации, по всей вероятности, стал реакцией на длительный период постсоветской деидеологизации и ценностной фрагментации российского общества, а также на возрастание системной нестабильности в глобальном и внутреннем контексте.

Отдельные исследователи и философские школы обозначили контуры возможных направлений в формировании российского интегративного идеологического дискурса, при этом часто выходя за пределы классического триединства: либерализма, социализма и консерватизма. Внимание было уделено таким возможным основаниям, как гуманизм, культурная традиция

⁴ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

⁵ Предложены такие целеориентированные паттерны российского мировоззрения, как «человек — служение», «семья — многодетность», «общество — соборность», «государство — порядок» и «страна — цивилизация».

и коммунитаризм, каждый из которых претендует на роль смыслообразующего принципа будущей идеологической конфигурации России.

Гуманизм как метаидеологическая рамка. Ю.А. Красин — один из наиболее заметных представителей критического анализа модернизационных процессов, подчеркивал, что переход к инновационному типу общества требует новой метаидеологии, способной синтезировать принципы личной свободы, творческого саморазвития и общественно-политического согласия. По Красину, в условиях постиндустриального кризиса ценностей гуманизм (сугубо европейская традиция) должен быть переосмыслен в универсальный нормативный проект, способный лечь в основу «мировой политики компромиссов» — диалогического порядка, признающего ценность другого [22, с. 34–59], приобретя статус философского фундамента социальной солидарности в условиях постглобального мира.

Культура как базис идеологической консолидации. А.Л. Маршак предлагает сместить акцент идеологического поиска с нормативных проектов на культурно-исторические основания. По его мнению, российская культура — в силу своей глубины, многослойности и способности к синтезу разнородных этнических и цивилизационных кодов — может служить основой для построения новой инклюзивной, но не унифицирующей идеологии [23, с. 510–511], не догматичной, хотя и с высокой степенью символической идентификации. Культура в таком подходе мыслится как «органическая» база идеологического порядка, способная обеспечить интеллектуальную консолидацию без насилия над разнообразием.

Коммунитаризм как альтернатива атомизированному либерализму. Л.Г. Фишман рассматривает реидеологизацию как возможность перехода к модели социальной интеграции, основанной не на универсализме прав, а на гражданском участии и солидарности. По его мнению, новая идеология должна строиться на основе социальной активности, подразумевающей вознаграждение не только за участие в экономическом производстве, но и за вклад в воспроизводство общественной ткани (добровольчество, гражданское участие, поддержание публичного порядка) [24, с. 116–129]. Подобный подход особенно релевантен в условиях технологической трансформации занятости и размывания индустриального рабочего класса как базового субъекта прежней идеологии солидарности. Фишман фактически предлагает создание «гражданского дивиденда» — системы моральных и материальных поощрений за участие в поддержании социальной сплоченности. Такой подход актуализирует идею «ценностей общего блага», противопоставленных рыночной логике индивидуального успеха.

А.Л. Никифоров выдвигает идею нового коллективистского проекта, в котором Россия должна отказаться от либеральной парадигмы и капиталистической модели, в пользу ограниченной частной собственности и перераспределения благ [25]. Л.А. Мусаелян ставит акцент на необходимости разработки государственной идеологии, ориентированной на молодежь,

указывая на необходимость трансляции общероссийских идеалов через систему образования, с целью формирования нового типа гражданской идентичности [26].

Таким образом, в условиях эрозии привычных идеологических ориентиров и в ситуации идеологического вакуума, в котором российское общество оказалось после распада СССР, научное сообщество оказалось перед необходимостью не только рефлексии, но и участия в выработке новых смысловых конструктов, способных стать основой для национального проекта. Вопрос о возвращении идеологии, или реидеологизации, стал вызовом, требующим мобилизации как аналитических, так и проектных ресурсов социально-политической философии.

Список литературы

1. Кабышев В.Т. С Конституцией по жизни: Избранные научные труды. М.: Формула права, 2013.
2. Дугин А.Г. Проект «Евразия». М.: Эксмо, Яуза. 2004. 514 с.
3. Кузнецов В.Н. Российская идеология 21. М.: Книга и бизнес, 2004. 551 с.
4. Мартыанов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М.: Весь Мир, 2010. 253 с.
5. Мошелков Е.Н. «Русская идея»: прошлое и настоящее // Вестник Российской нации. 2015. № 2(40).
6. Рубцов А.В. Иллюзии деидеологизации. Между реабилитацией идеологического и запретом на огосударствление идеологии // Вопросы философии. 2018. № 6. URL: <https://doi.org/10.7868/S0042874418060055272>.
7. Кара-Мурза А.А. Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст // Философский журнал. 2012. № 2(9).
8. Соловьёв Э.Ю. Философия как критика идеологий. Часть I // Философский журнал. 2016. № 4(16).
9. Шевченко В.Н. Зачем нужна обществу публичная философия? // Философский журнал. 2014. № 1(12).
10. Мартыанов В.С., Фишман Л.Г. (ред) Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартыанова, Л.Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 334 с.
11. Волков Ю.Г. Образы идеологии и гуманизма в современной России. М.: КноРус, 2016. 208 с.
12. Фишман Л.Г. Обойдемся без миссии. Почему постсоветская номенклатура не может выработать национальную идеологию? // Дискурс-Пи. 2023. № 2. URL: https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_52.
13. Летняков Д.Э. Политико-идеологические тренды постсоветских обществ: попытка обобщения // Полис. Политические исследования. 2018. № 1.
14. Масловский М.В. Цивилизационный дискурс российской политической элиты в контексте интерпретаций модерности // Власть и элиты. 2019. Т. 6, № 1.
15. Иванов В.Н., Назаров М.М., Кублицкая Е.А. Политические ценности российского общества (результаты сравнительного проекта) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18, № 3.

16. Петухов В.В. Идейно-политические предпочтения россиян: смена дискурса // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 4(32). URL: <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7654>.
17. Юдина Т.Н., Мазаев Ю.Н., Бабакаев С.В. Динамика политико-идеологических ориентаций населения России в постсоветский период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 3. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-582-594>.
18. Радиков И.В. Поиск идеологических ориентиров в постсоветской России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 1(834).
19. Ивлев С.В. Социально-политические коммуникации в контексте идеологического дискурса // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 2. URL: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0907>.
20. Боршевский Г.А. Традиционные российские ценности: институциональный анализ // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2023. № 4(111). URL: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-111-4-67-93>.
21. Полосин А.В. Шаг вперед: проблема мировоззрения в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2022. № 3.
22. Красин Ю.А. Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма // Вестник Института социологии. 2015. № 1(12).
23. Маршак А.Л. Культура как основа современной российской идеологии: проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. Т. 17, № 4. URL: <https://doi.org/10.223.63/2313-2272-2017-17-4-503-512>.
24. Фишман Л.Г. Закат «общества труда»: современная идеологическая констелляция // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2016. № 3(82).
25. Никифоров А.Л. Какое будущее ждет человечество? // Философский журнал. 2021. Т. 14, № 3. URL: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2021-14-3-82-95>.
26. Мусаелян Л.А. Тревожные мысли философа по поводу особенностей современной общественной жизни и некоторых проблем образования в эпоху тотальной цифровизации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. № 3. URL: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-349-364>.